

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА МАТЕРИАЛИЗМ В МЕДИЦИНЕ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Асс. Р. М. Зинанова

Из кафедры марксизма-ленинизма (зав.—доц. И. А. Громов) Казанского медицинского института

На протяжении всей истории своего развития медицина, как и естествознание, служила и служит ареной ожесточенной борьбы материализма и идеализма. Эта борьба является отражением борьбы материализма с идеализмом в философии.

В развитии русского естествознания материалистическое направление было преобладающим. Ленинское положение о том, что «у главных направлений передовой общественной мысли России имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция»¹ имеет прямое отношение и к передовому русскому естествознанию.

Особенно большой вклад в развитие материалистического направления отечественного естествознания внесли передовые русские ученые во 2-й половине XIX в. В этот период в стране сложилась благоприятная обстановка для прогресса естественных наук. С одной стороны, растущие потребности промышленного производства выдвигали перед естествознанием все новые проблемы и способствовали тем самым его подъему. С другой, на развитие естествознания исключительно благотворное влияние оказывала материалистическая философия А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева. Проникнутые их идеями передовые представители русского естествознания и медицины сумели противостоять наступлению реакционных идеологов царизма. В этих условиях естествознание в России приобрело резко выраженную материалистическую окраску и широко шагнуло вперед, оставив позади западную науку по ряду отраслей знания. Великие мыслители-революционные демократы уделяли особенное внимание проблемам жизни организма. В своих трудах они развивали взгляды о целостности организма, о ведущей роли нервной системы в организме, о единстве физиологического и психического.

Передовая русская философская мысль направляла ученых на исследование такого сложнейшего явления природы, как сознание. Она определила идейное содержание работ отца русской физиологии И. М. Сеченова, который впервые в истории физиологии поставил своей задачей экспериментально изучить естественные, физиологические основы психических процессов.

Основная философская линия материализма, ведущая от бытия к мышлению, от материи к ощущению, получила в исследованиях И. М. Сеченова и в дальнейшем И. П. Павлова естественно-научное обоснование.

Говоря о прогрессивном движении естественных наук в середине XIX века, К. А. Тимирязев указывал, что оно началось с Востока, а именно — с развития химических наук в самом восточном тогда университете страны — Казанском².

Во 2-й половине прошлого столетия на медицинском факультете Казанского университета трудились крупнейшие ученые того времени: Е. Ф. Аристов, Е. В. Адамюк, А. Я. Данилевский, К. А. Арнштейн, А. С. Догель, Н. А. Виноградов, В. В. Пашутин, В. М. Бехтерев, Ф. В. Овсянников, Н. О. Ковалевский, Н. А. Миславский, П. Ф. Лесгафт, И. М. Гвоздев и др.

Как известно, объективным критерием, позволяющим с научной точностью определить сущность любого философского направления, является решение им основного вопроса философии — вопроса об отношении духа к природе, сознания к бытию.

В соответствии с этим и в медицине, изучающей закономерности соматической и психической деятельности здорового и больного организма, вопрос о соотношении физического и психического встает с особой остротой.

Это наиболее ярко отражено в трудах одного из основателей казанской физиологической школы — Н. О. Ковалевского, а из клиницистов — профессора психиатрии А. У. Фреze — представителей тех отраслей медицинской науки, которые имеют прямое отношение к анализу психо-физической проблемы.

Н. О. Ковалевский (1840—1891) представляет значительную фигуру в истории русской физиологии как один из наиболее передовых в научном и общественном отношении ученых своего времени.

Уже в одной из своих первых работ, озаглавленной «Работы Р. Вагнера над головным мозгом» (1862), Н. О. Ковалевский ясно обнаруживает свое материалистическое толкование вопроса об отношении физического к психическому.

Он соглашается с исходными позициями Вагнера, признававшего мозг органом

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 33, стр. 201—202.

² К. А. Тимирязев. Соч., 1939, т. VIII, стр. 148.

мышления, и подчеркивает, что «... в сером мозговом веществе совершаются важнейшие психические процессы»¹.

Однако, метод Вагнера, метод статистики величины, формы, веса мозговой ткани в соотношении с деятельностью ее, Ковалевский правильно оценивает как грубый и лишь как «переходную ступень к более точному».

Рассматривая функцию головного мозга — мышление в неразрывной связи с его организацией, он придает большое значение изучению морфологической структуры центральной нервной системы¹.

С особенной полнотой и четкостью материалистические воззрения Ковалевского выразились в философской полемике, разгоревшейся в Казанском университете в середине 70-х годов и явившейся, по существу, эхом знаменитой полемики Сеченова против К. Д. Кавелина и Н. Н. Страхова.

В 1875 г. доцент философии А. И. Смирнов выступил на торжественном годичном собрании с речью «О сознании и бессознательных духовных явлениях», где отстаивал антинаучную, дуалистическую теорию психо-физического параллелизма. «Мы не думаем, — заявил он, — чтобы материалистической фракции физиологов удалось когда-либо объяснить происхождение сознания из функций нервной системы»².

Психические явления, утверждал он, не могут быть предметом физиологии, ибо нельзя переносить «в область духовных явлений такие понятия и приемы объяснения, которые приложимы только к вещественному миру»³.

Пытаясь обосновать непознаваемость процессов душевной деятельности, в качестве главного авторитета Смирнов выдвинул Дюбуа Раймона, считавшего проблемы сознания принципиально неразрешимой загадкой.

Открыто и смело на защиту материалистического мировоззрения встал Н. О. Ковалевский в речи «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности» на торжественном акте университета в следующем, 1876 г. Он начал речь глубоко аргументированной критикой витализма. В качестве главного довода против концепции «жизненной силы» он выдвинул установленный наукой факт о подчинении живых организмов закону сохранения энергии.

Однако, указывал Ковалевский, «остается еще достаточно большое поле для виталистических представлений»⁴ в вопросе о психической деятельности. Но для Ковалевского — ученого-материалиста, нет места витализму и в этой сложнейшей области. Его центральным положением является мысль о неотделимости процессов мышления от материальных мозговых процессов, мысль о том, что «психическая деятельность без материального субстрата невозможна»⁵. Говоря о неотделимости сознания от материи, Ковалевский не допускал отождествления их, как это делали тогда на Западе многие врачи-физиологи, следуя за Бюхнером, Фохтом и Молешоттом. Ковалевский видит в сознании «... свойство нервных процессов, проявляющееся при известных определенных условиях»⁶. Материалистически он трактовал и явление памяти: «... ни одно возбуждение нервной системы, строго говоря, не может пройти без материального следа в ней, как бы слаб этот след в отдельном случае ни был. Свойство сохранять эти следы есть память»⁷.

Поддерживая положение Сеченова о рефлекторной работе головного мозга, Ковалевский так же отвергал господствовавшее в то время в зарубежной физиологии дуалистическое, а по существу идеалистическое воззрение, согласно которому рефлекс есть проявление функций лишь низших отделов центральной нервной системы, а деятельность ее высшего отдела якобы произвольна, индетерминирована. Как и Сеченов, он считал, что психические акты, совершаясь по типу рефлексов, вызываются и поддерживаются воздействиями, получаемыми органами чувств от внешних и внутренних раздражителей. «Первыми источниками всякой психической деятельности, — писал Ковалевский, — являются данные органов чувств»⁸.

Его рассуждение о значении повторных раздражений при «упражнениях» показывает, что он близко подошел и к понятию условного рефлекса⁹. Замечательна своей прозорливостью мысль Ковалевского о том, что приобретенные рефлексы составляют физиологическую основу сознательных, или иначе — произвольных, движений. «Эти новые формы рефлексов, — отмечал он, — составляют суть того, что мы называем вообще волевыми или произвольными (разрядка Ковалевского — Р. З.) движениями.

¹ Н. О. Ковалевский. Уч. зап. Казанского университета, 1862, т. I, стр. 6.

² А. И. Смирнов. Изв. и уч. зап. Казанского университета, 1875, 6, стр. 916—917.

³ А. И. Смирнов. Изв. и уч. зап. Казанского университета, 1875, 6, стр. 920—921.

⁴ Н. О. Ковалевский. Изв. и Уч. зап. Казанского университета, 1877, I, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 38.

⁶ Там же, стр. 36.

⁷ Там же, стр. 29.

⁸ Там же, стр. 19.

⁹ Там же, стр. 31, 32, 33, 34, 35.

От чистых рефлексов они отличаются лишь большей сложностью и тем, что вырабатываются жизненным опытом»¹.

При частых повторениях «они становятся столь машинными, невольными (разрядка Ковалевского — Р. З.), что отличить их от истинных рефлексов нет никакой возможности»².

По существу, это — указание на то, что в современных терминах определяется как переход при определенных условиях условных рефлексов в безусловные.

Ковалевский, вслед за Сеченовым, отстаивал необходимость применения объективных, физиологических методов к исследованию психических процессов. Он имел в виду, в частности, возможность ввести в их изучение измерительный метод. Он был твердо убежден, что наука вырвет у природы одну из ее самых сокровенных тайн — тайну сознания. «Надо только настойчивый труд, и язык чисел раскроет перед нами таинственную работу головного мозга»³.

Такая яркая материалистическая заостренность речи Ковалевского вызвала бурное негодование церковников и идеалистов. На страницах органа Святейшего Синода «Церковного вестника», выходившего в Петербурге, появилась статья, подписанная «С. Н. К.» «Речь эта, — говорилось в ней, — ... от начала до конца была пропитана самым крайним материализмом». «...Он громко и прямо заявил, что «все так называемые явления личного духа суть не больше, как свойство нервной системы»⁴. Речь Ковалевского характеризовалась как «печальное знамение нашего времени». Автор статьи требовал применения репрессивных мер к Ковалевскому, как к человеку, посягнувшему на коренные догмы религии.

В том же номере Ученых записок Казанского университета, где была опубликована актовая речь Ковалевского, против ее основных положений выступил и А. И. Смирнов⁵.

В явной тревоге от материалистических выводов естественных наук А. И. Смирнов ставил своей задачей «доказать, что новейшие научные обобщения... не дают повода смотреть на феномены сознания как на свойства нервной системы»⁶.

Отвечая Смирнову, сотрудник Ковалевского И. Шумков⁷ блестяще поддержал взгляды своего учителя о генетической связи сознания с мозгом, обусловленности психического физиологическим. Сознание, подчеркивал Шумков, нельзя противопоставлять материи и в то же время отождествлять его с ней, так же, как вообще любое свойство нельзя ни противопоставлять его носителю, ни сводить к нему.

Однако, поднимая вопросы, имеющие важное гносеологическое значение, Ковалевский не во всех своих рассуждениях сумел выдержать последовательно материалистическую линию. Ощущения, — говорил он в публичной лекции «Органы чувств человека» (1870), — составляют «материал для мысли». В то же время он соглашался с Гельмгольцем, что ощущения — «только условные знаки отличия для объективных качеств» и допускал, тем самым, уступку «физиологическому идеализму». Но в другой лекции «О голосе и речи» (1871) Ковалевский ясно проводит мысль о способности органов чувств «характеризовать» предметы объективного мира, то есть адекватно отражать их. Здесь он поднялся до философской постановки вопроса о языке как могущественном факторе в возникновении и развитии человеческого сознания, показал, что «речь есть искусство, приобретенное развитием человечества, возникшее как средство общения, как средство закрепления за целым человечеством умственно-го прогресса».

Научные интересы Ковалевского непосредственно вытекали из его верного понимания задач физиологической науки, что, несомненно, основывалось на его общем мировоззрении материалиста-естествоиспытателя. «Самостоятельность нашего организма, независимость его от природы, писал он, только кажущаяся. Открыть эту связь организма с внешней природой во всех ее пунктах, найти, как из известных сочетаний составных частей организма между собой и с теми частями природы, с которыми последние соприкасаются, вытекают деятельности организма, как следствие из причины — это задачи физиологии в широком значении науки»⁸.

Деятельность Ковалевского оказала глубокое влияние на его учеников и сотрудников. Подход к организму как единому целому, неразрывно связанному с окружающей средой, благодаря Ковалевскому стал обязательной исходной позицией для физиологов казанской школы. Творчески восприняв материалистическую теорию нервного организма, он главное внимание уделил изучению нервнорегуляторных механизмов животного организма. В лаборатории Ковалевского особенно широко и плодотворно разрабатывалась проблема рефлекторной регуляции кровообращения. Интенсивно велось исследование и центральных аппаратов рефлекторной регуляции организма.

¹ Н. О. Ковалевский. Изв. и Уч. зап. Казанского университета, 1877, 1, стр. 32.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Церк. вест. 1876, 47, стр. 5.

⁵ А. И. Смирнов. Уч. зап. Казанского университета, 1877, 1.

⁶ Там же, стр. 354.

⁷ И. Шумков. Изв. и Уч. зап. Казанского университета, 1877, 5.

⁸ Н. О. Ковалевский. Публичные лекции и речи, Казань, 1892, стр. 97.

Под идейным руководством Ковалевского сложились такие крупные ученые, как Е. В. Адамюк, Н. И. Боголюбов, И. Н. Навалихин, Н. А. Миславский, В. Н. Рожанский и др.

О том, насколько научная атмосфера на кафедре была насыщена боевым материалистическим духом, может свидетельствовать следующее. Именно в то время, когда на книгу Сеченова «Рефлексы головного мозга», как якобы «имеющую неоспоримо вредное направление», был наложен запрет (1866), а против самого автора начато судебное дело, из физиологической лаборатории Ковалевского вышла и была опубликована работа Н. Симонова «Опытное доказательство существования центров, задерживающих рефлексы у млекопитающих животных», подтверждающая правильность сеченовских идей на теплкровных.

Н. О. Ковалевский известен не только как крупный ученый-материалист, но и как прогрессивный общественный деятель. Он активно участвовал в работе «Общества врачей г. Казани», являлся членом-учредителем «Казанского общества естествоиспытателей», много сделал для создания «Общества невропатологов и психиатров». В 1880 г. он был избран ректором Казанского университета, но через 2 года отстранен по мотивам политической неблагонадежности.

Вся научная и общественно-педагогическая деятельность Ковалевского является живым воплощением светлых идеалов и традиций демократического общественного движения 60-х годов прошлого столетия.

Поскольку из всех клинических дисциплин ближе всего соприкасается с проблемами философии психиатрии, наследие такого яркого ее представителя, каким был в Казани проф. А. У. Фрезе (1827—1884), представляет особый интерес в плане задач настоящей работы.

А. У. Фрезе, прибывший в Казань в качестве руководителя и строителя Казанской окружной психиатрической лечебницы, вел преподавание психиатрии с 1886 г. сначала как доцент, а с 1872 г. был назначен профессором. За время своей деятельности он внес немаловажный вклад в развитие научной и практической психиатрии своего времени.

Фрезе ясно понимал, что решение вопроса о природе душевных заболеваний тесно связано с общефилософскими взглядами врача. «...Приступая к определению душевной болезни, следовало бы,— писал он,— предварительно выяснить себе, что такое душа? человеческий дух? Каковы их отношения к телу?»¹ Душа, согласно Фрезе, не представляет особую, нематериальную духовную субстанцию, для него нет духа, независимого от материи. «В окружающей нас природе,— говорил он,— нигде не имеется изолированных душевных явлений... Везде, где встречается явление психическое, вместе с тем встречаются и физические усилия»². По его мнению, головной мозг является «органом или орудием душевной деятельности, то есть душевная деятельность, рассматривая с физиологической точки зрения, принимает форму отправления головного мозга»³. «Признав головной мозг органом душевной деятельности, мы не затрудняемся,— подчеркивал Фрезе,— признать душевное расстройство известным видоизменением ее вследствие болезненного состояния головного мозга»⁴. Рассматривая сознание как функцию головного мозга, а отсюда и психические расстройства как нарушение нормальной мозговой деятельности, он направляет критические стрелы против идеалистического обособления духовного от телесного, против религиозной догмы о бессмертии души. «Душа, способная заболеть,— заявлял Фрезе,— способна также и умереть»⁵ (подчеркнуто Фрезе — Р. З.).

Принципиальный вывод о единстве соматического и психического Фрезе делает из того, что «нервная система не только представляет физиологическую основу душевной деятельности, но и управляет всеми растительными отправлениями организма»⁶. Подчеркивая взаимообусловленность всех процессов организма, он писал: «Между головным мозгом и остальными органами нашего тела установлена полная взаимность. Не только состояние головного мозга имеет обширное влияние на все растительные отправления, но и более или менее значительные изменения последних легко отражаются на первых»⁷. По его мнению, «ошибается, кто допускает душевное расстройство при полном телесном здоровье... ошибается, кто утверждает, что душевное расстройство есть болезнь «души» и потому недоступно лекарственному лечению»⁸. Поэтому Фрезе придавал большое значение исследованию физиологического

¹ А. У. Фрезе. Уч. зап. Казанского университета, 1880, вып. 1, стр. 4.

² Очерк судебной психологии, Казань, 1874, стр. 2.

³ А. У. Фрезе. Уч. зап. Казанского университета, 1880, вып. 1, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ К открытию Казанского дома умалишенных. Казань, 1860, стр. 7.

⁶ А. У. Фрезе. Изв. и уч. зап. Казанского университета, 1875, вып. V, стр. 782.

⁷ Там же, 1888, вып. 1, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 76.

состояния организма. Вслед за Сеченовым он утверждал, что психическая деятельность невозможна без чувственного раздражения. Ощущение, по выражению Фрезе, есть «фундаментальный процесс», на котором строятся все явления сознания, и оно «служит несомненным доказательством того, что на нас действовал известный внешний предмет»¹. «Чувственные ощущения,— говорит он,— служат нам единственным средством для познания внешнего мира, так как все представления и понятия о внешнем мире обязаны своим происхождением внешнему миру. Всякое изменение наших ощущений влечет за собой изменение и наших представлений об окружающих нас условиях»². Отсюда, главнейшим основанием помешательства Фрезе считает расстройство чувствующей сферы организма, ведущее к расстройству познания внешнего мира и самопознания, к «нарушению логического отношения к внешнему миру, вследствие болезненного состояния головного мозга...»³. Галлюцинации, по его мнению, это измененные ощущения, а не интенсифицированные представления, как полагал немецкий психолог-идеалист Вундт.

Взгляд о самостоятельности душевных способностей, сложившийся, как он отмечает, под влиянием умозрительной философии, отвергается им как ложный на основе данных физиологии и клинического опыта. В этой связи Фрезе подверг критике теорию «свободы воли», широко распространенную в его время, характерную и поныне для буржуазного мировоззрения. Он подчеркивал обусловленность воли общественными условиями, ее зависимость от анатомо-физиологических механизмов и верно заметил, что еще «...ни одна философская школа не могла доказать существование свободной воли»⁴.

Все душевные явления — ощущения, представления, понятия, чувства и др.— утверждал Фрезе,— являются актами субъективными. Единственный способ их проявления,— писал он,— прямо ссылаясь на «Рефлексы головного мозга» Сеченова,— есть мышечное движение. «Язык, которым говорит душевная деятельность,— это мышечное движение»⁵. Отсюда Фрезе делал вывод о необходимости внимательного наблюдения «за выражением лица, мимикой и жестами больного, механизмом его речи, действиями и поступками его» для выяснения характера психического расстройства.

Однако, при основной материалистической линии тем не менее у Фрезе имелись и отдельные элементы философской непоследовательности. Например, иногда он склонялся к мнению, что ощущение не выражает действительных свойств предмета, допуская этим ошибку, идущую на линии агностицизма. Но в целом, основой мировоззрения Фрезе является естественно-научный материализм.

Особенно важно отметить, что Фрезе, признавая человека не только биологическим, но и социальным индивидом, требовал точного учета конкретных условий его общественной жизни для диагноза и лечения. Основой успешного лечения он считал индивидуализацию, гуманное отношение к больному, рациональный уход за ним, принцип «поддержки организма в самом широком смысле слова». Фрезе первым в России ввел в Казанской окружной лечебнице режим «нестеснения» психических больных. Ему была чужда фаталистическая точка зрения о неизлечимости наследственных душевных болезней. Он говорил, что «...наследственное предрасположение само собой не есть условие неизлечимости помешательства»⁶. Фрезе выступал против лженаучной, реакционной теории Мореля о наследственности. Он высказывал мысли о недостаточности симптоматологического направления в психиатрии и необходимости перехода к нозологическому.

Как передовой ученый он глубоко сознавал, что задача науки — служить народу, просвещать его, искоренять невежество и косность, в частности, в толковании психических заболеваний как результата нравственной порочности и т. д.

«Я вижу,— говорил Фрезе,— задачу, в особенности (курсив Фрезе — Р. З.) профессоров и доцентов как ближайших представителей науки, преимущественно в стремлении делать свою науку общим достоянием (курсив Фрезе — Р. З.) и содействовать к тому, чтоб она не окаменела в замкнутых стенах университета, но находила себе приют в сфере образованного общества вообще, проникала в жизнь и приносила плоды всему обществу»⁷. И он всю жизнь самоотверженно боролся за осуществление этой благородной задачи.

Как видно из приведенного, и в Казанском университете во второй половине прошлого века развитие и применение в физиологии и психиатрии коренных положений философского материализма о первичности материи и вторичности сознания, о мозге как материальном органе сознания, о психическом как отражении реального мира — было не случайным, а закономерным результатом борьбы и победы материалистических идей над идеализмом в медицине; многие из тех вопросов, которые в

¹ А. У. Фрезе. К открытию Казанского окружного дома умалишенных. Казань, 1869, стр. 12.

² К открытию Казанского окружного дома умалишенных. Казань, 1869, стр. 12.

³ Уч. зап. Казанского университета, 1880, вып. 1, стр. 12.

⁴ Очерк судебной психологии. Казань, 1874, стр. 135.

⁵ Уч. зап. Казанского университета, 1880, вып. 1, стр. 9.

⁶ Изв. и уч. зап. Казанского университета, 1875, вып. V, стр. 7, 68.

⁷ Очерк судебной психологии, 1874, стр. 23.

дальнейшем нашли экспериментальное разрешение в исследованиях И. П. Павлова, идейно в той или иной форме подготавливались в прошлом столетии передовыми русскими учеными, в том числе и казанскими, в их борьбе с идеализмом.

Изучение этих исторических материалов важно как для идейного воспитания студентов и молодых врачей, так и для более глубокого понимания истоков борьбы материализма с идеализмом в настоящее время.

В современных условиях сосуществования двух мировых систем — капиталистической и социалистической — борьба материализма и идеализма приобрела исключительно острые формы, в частности и в медицине. Одним из ее проявлений в наши дни является борьба между павловским учением и фрейдизмом, принятым на вооружение идеологами расизма и империализма.

Субъективно-идеалистическая концепция З. Фрейда, низводящая разум до инстинкта, спиритуалистически трактует природу психического и отрицает роль ощущений в познании действительности; фрейдизм утверждает, что психиатрия может развиваться независимо от анатомии и физиологии мозга, рассматривает всеобщий невроз навязчивых состояний как источник культуры человечества, защищает расистские положения о врожденных идеях и неизменном наследовании инстинктов, объясняет классовую борьбу, войны и революции проявлением инстинкта агрессии и т. д.

Фрейдизм, отражающий идейный маразм современного буржуазного общества, является попыткой разрушить материалистические основы физиологии и психиатрии с целью укрепления позиций мистики и поповщины.

Но такое наступление на материализм внутри его естественно-научной цитадели терпит полный крах. И это глубоко раскрыто в недавно вышедшей книге «Павлов и Фрейд» американского философа-марксиста Г. Уэллса¹.

Поступила 8 марта 1960 г.

СЪЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ТУГОУХОСТИ

(Ленинград, 1—4/II-60 г.)

На повестке конференции стояли вопросы: 1) физиологии и патологии акустического аппарата; 2) этиопатогенеза тугоухости; 3) методики исследования акустического анализатора; 4) профилактики и лечения тугоухости.

Конференция открылась докладом проф. В. И. Воячек (Ленинград) «Эволюция новаторства в кофологии». Под термином «кофология» объединяется современное понятие о лечении, главным образом хирургическом, стойких или прогрессирующих форм тугоухости. В эволюции совершенствования хирургической техники автор отметил ряд закономерностей новаторства, влияния одного открытия на другое. Успеху оперативного лечения тугоухости способствовало открытие антибиотиков.

С докладом «Современное состояние учения о тугоухости» выступил проф. В. Ф. Ундриц (Ленинград). Характерная черта современной отиатрии, — заявил докладчик, — ее функциональная направленность. Расширение знаний по этиологии и патогенезу ушных заболеваний служит предпосылкой к дальнейшим успехам в профилактике и терапии тугоухости.

Первый вопрос разбирался на конференции наиболее полно. Большое внимание в нем было отведено физиологическим основам слуховосстанавливающих операций, а также значению слухового анализатора в развитии речи.

Доклады по этиопатогенезу тугоухости касались роли травмы, инфекции, производственных вибраций и т. д. Проф. И. А. Лопотко (Ленинград) познакомил со своими экспериментально-клиническими исследованиями, посвященными воздействию на череп и пирамиду височной кости травмы неодинаковой силы и характера, нанесенной в разных проекциях. В. А. Симолин (Горький) сообщил о действии ультразвуковых волн на внутреннее ухо животных в условиях хронического опыта.

Доклад «О современных методах исследования слуха при постановке показаний к хирургическому лечению тугоухости» сделал доктор мед. наук И. Г. Гринберг (Ленинград).

Все последующие сообщения касались состояния основных нервных процессов в слуховом анализаторе при ушных шумах, методики исследования слуха у детей, диагностического значения исследования костной проводимости акустическим зондом, разбора принятых формул для исследования слуха.

В докладе «Некоторые вопросы профилактики тугоухости» проф. И. И. Потапов (Москва) подчеркнул, что лечение больных острым средним отитом антибиотиками, отказ от парацентеза и поздние вмешательства при мастоидитах в ряде случаев ведут к

¹ Г. Уэллс. Павлов и Фрейд. Изд. иностранной литературы, М., 1959.